Воспоминания о ректоре ТПИ А.А. Воробьёве

Написано к 90-летнему юбилею А.А. Воробьёва, 1999 г.

Александр Акимович Воробьев был ректором ТПИ (далее я буду использовать новое название ТПУ) в течение 27 лет (1944–1970), дольше всех из числа 12 ректоров, которые были до него. Я приехал в Томск в 1956 году, когда он уже 13 лет возглавлял ТПУ. Таким образом, я проработал под его начальством в течение 14 лет (1956–1970, почти половину срока его ректорства). К этому времени уже закончился период его наиболее крупных организационных свершений: создание трех НИИ при ТПУ и нескольких проблемных лабораторий в самом институте (из них три на ХТФ).

<...>В виде отдельных очерков я расскажу о наиболее запомнившихся эпизодах, по моим личным впечатлениям, связанных с А.А. Воробьевым (при контактах с ним).

Приглашение на работу

<...> В 1954 году (осенью) я был в командировке в Москве и в отделе кадров МВО и СС узнал, что в ТПУ на будущий год объявлен конкурс на заведование кафедры физической и коллоидной химии. Тут же я случайно встретил ректора ТПУ и рассказал о своих намерениях. Воробьев обстоятельно расспросил меня о моих достижениях и, по-видимому, был удовлетворен этим опросом. В итоге он сказал: «Ну, что же! Вы нам подходите. Подавайте заявление и другие бумаги на конкурс. Рассмотрим их на совете ТПУ».

Вторая встреча

<...><...>В корпусе ГРФ освобождалась пятикомнатная квартира, которую занимал профессор Халфин <...>. На следующий день я пошел на прием к ректору. Я передал ему план въездного ремонта квартиры. Он заметил: «Вы составили очень скромный план ремонта» и обещал к лету его сделать.

Заседание совета ТПУ в июне 1955 года

Воспроизвожу этот эпизод по рассказам, так как считаю его достаточно не тривиальным. Зачисление профессора в штат ТПУ по конкурсу (по его собственному желанию) из города, расположенного западнее Томска, было для ТПУ явление совершенно беспрецедентное. Да, еще немца, репрессированного и полтора года отсидевшего в ГУЛАГе НКВД. Это уже совсем подозрительно. Примерно в таком недоброжелательном духе проходило обсуждение моей кандидатуры на совете ТПУ. Но Воробьев твердо отстаивал мою кандидатуру, и результаты голосования были для меня положительными. Если человек был деловой, то другие идеологические недостатки не имели для него значения. Позднее он принял на работу репрессированного грека (Батаки А.А.), который много лет заведовал кафедрой физики.

Третья встреча

<...>Я пошел на прием к ректору и пожаловался ему на лишение кафедры половины площадей. Воробьев сказал: «Покажите работу, и я Вам помогу». Как будет видно из дальнейшего, он сдержал свое слово. Это была характерная особенность Александра Акимовича — учитывать в первую очередь деловые качества сотрудников и поддерживать их, если они активно работали, но испытывали затруднения в работе (*Далее следует ряд очерков, связанных с участием А.А. в создании проблемной лаборатории при кафедре ФКХ (1958–1963 гг.).* Это был период, когда я наиболее интенсивно общался с Александром Акимовичем и смог убедится в его выдающихся организаторских способностях.

Письмо академика И.П. Алимарина по поводу создания проблемной лаборатории

Большую помощь А.А. Воробьев оказал мне в первые годы моей работы в ТПУ (1956–1963 гг.).(*О письме академика Алимарина с рекомендацией от имени научного совета проводить в ТПИ исследования по развитию метода ИВ)*.

<...>Письмо произвело на него, по-видимому, сильное впечатление, так как оно совпало с его планами развития института (как я позднее понял). Он вызвал меня и сразу сформулировал ряд мероприятий. 1. Он поручил мне составить заявку на проблемную лабораторию по определению микропримесей в материалах для микроэлектронной техники, хотя министерство в это время новые проблемные лаборатории в вузах не планировало. 2. Выделил мне (временно) для проведения научных исследований четыре (вакантные) штатные единицы. за счет проблемной лаборатории «полимеров» (при кафедре ТООС, завкафедрой доц. В.П. Лопатинский). 3. Дал указание декану ХТФ (Володину) выделить мне на факультете две комнаты для проведения исследований.

Вскоре правительство выделило МВ и ССО штатные единицы для усиления работ по микроэлектронике.

Четвертый НИИ, который не состоялся

У Александра Акимовича была интуиция, которая позволяла ему предвидеть события. В эти годы обнаружилось отставание СССР от западных стран в создании микроэлектронных приборов, причем главной причиной было отсутствие материалов высокой чистоты и методов их контроля на содержание микропримесей. Правительство СССР приняло энергичные меры для уменьшения этого отставания. Было принято решение организовать в вузах еще шесть проблемных лабораторий по «электронной технике», т.е. специально по разработке технологии их изготовления. Воробьев, узнав об этом, дал заявку на организацию такой проблемной лаборатории под мою заявку, хотя знал, что прямого отношения к изготовлению приборов микроэлектронной техники она не имеет.

Вскоре он пригласил на совещание в ректорате меня и ряд других заинтересованных лиц и познакомил присутствующих со своими планами. Оказалось, что он надумал под мою заявку организовать огромную проблемную лабораторию по микроэлектронной технике, т.е. фактически целый НИИ, состоящий из десяти отделов (лабораторий).

Возвращение аннексированных территорий

В 1962 году умер Л.П. Кулев, и я снова поднял на факультете вопрос о возвращении мне аннексированных перед моим приездом в Томск площадей кафедры (которые декан передал Кулеву под его проблемную лабораторию) <...> Вопрос быстро решил ректор. Он, не заходя в кабинет, где его дожидалась куча народа, написал на заявлении: «Удовлетворить просьбу А.Г. Стромберга и вернуть ему изъятые у него кафедральные площади под его новую проблемную лабораторию». Это заявление с резолюцией ректора я передал декану. Этот эпизод снова характеризует административный стиль руководства Воробьева. Формально иначе как диктаторским, его не назовешь. Если он считал просителя правым, он принимал сразу решительные действия, пренебрегая традиционным прохождением прошения по инстанциям. В данном случае он действовал через голову декана. Пришлось доценту Печенкину потесниться и освободить помещения кафедры ФКХ, занятые под проблемную лабораторию синтеза лекарственных препаратов. Естественно, этот эпизод не способствовал установлению дружественных отношений между мной и Печенкиным. <...> «Платон мне друг, но истина дороже».

Квантовая химия

Этот эпизод — снова пример решительных действий Александра Акимовича. Но на этот раз пострадавшим лицом оказался я, а агрессором кафедра радиационной химии (РХ). Ей нужны были дополнительные «учебные часы» для того, чтобы предотвратить сокращение штатов. В те годы в курсе физической химии квантовая химия на моей кафедре традиционно не читалась, хотя этот раздел был в программе.

Так вот, завкафедрой РХ доцент Ю.А. Захаров сумел убедить ректора, что квантовая химия очень нужна химикам и что его кафедра сумеет изложить этот вопрос лучше нас. Эти соображения показались ректору убедительными, и он пишет распоряжение на заявлении Захарова: «Передать 36 часов курса физической химии от кафедры ФКХ кафедре РХ для чтения раздела «квантовая химия»«. И опять через голову декана это распоряжение ректора стало выполняться. Правда, недолго. Я и доцент А.И. Картушинская прослушали вместе со

студентами 36-часовой курс квантовой химии у лектора кафедры РХ, убедились, что «не боги горшки обжигают», т.е. что и мы сможем не хуже прочитать этот раздел.

Тогда я написал соответствующее заявление и пошел на прием к ректору, чтобы убедить его, что нецелесообразно разбивать изложение курса физической химии на две части и что кафедра ФКХ сумеет прочитать этот раздел на хуже, чем кафедра РХ. Ректор опять повел себя решительно и сказал: «Я же не говорил, что читать раздел квантовой химии должна обязательно кафедра РХ. Важно только, чтобы этот раздел читался. Если кафедра ФКХ считает, что она справится с этой задачей, то я не возражаю, чтобы курс физической химии читался как единое целое на кафедре ФКХ». И опять через голову декана и совета факультета квантовая химия стала читаться на кафедре ФКХ, к великому негодованию заведующего кафедрой РХ. Далее, на нескольких примерах я хочу показать, как Воробьев решал бытовые вопросы. Правда, я обращался с нему с подобными просьбами очень редко.

Смена квартиры внутри двора

Когда я переезжал в Томск в 1956 году и вселился в квартиру профессора Халфина на 3-м этаже 1-го корпуса, сам Халфин перехал в другую квартиру на 1-м этаже 3-го корпуса в том же дворе. Через семь лет (в 1963 году) проф. Халфин уехал из Томска, но перед тем, как заявить об этом ректору, он предупредил меня. В это время у меня подрастала внучка Оля (1962 г.р.), и мне каждый день приходилось с санками спускать и поднимать ее на прогулку. Обе квартиры по площади были практически равноценны. Квартира в корпусе № 1 была даже немного «параднее», так как, когда строился корпус около 1900 года, она предназначалась для профессора Обручева. В ней был декоративный камин, двустворчатые двери между комнатами высотой два с половиной метра.

Жилая часть физического корпуса ТПУ, где АГС жил с 1962

Я написал заявление и пошел на прием к ректору. Он прочитал заявление и сказал, что он (формально) ничего не знает. Халфин письменного заявления ему не подавал, но заявление оставил. Через три дня пошел снова, и на этот раз А.А. без долгих слов дал согласие на переезд, причем с въездным ремонтом за счет института.

Садик на Усова

Моим соседом по квартире оказался ректор. Восемь окон обеих квартир выходили на ул. Усова. Перед окнами находился сад, отгороженный от улицы высоким деревянным забором с двумя рядами тополей и совершенно заросший бурьяном и крапивой. Вход в него был со двора, через калитку, которая закрывалась на висячий замок. Вскоре после моего переезда в новую квартиру, ректор встретил меня во дворе и сказал: «Первая половина садика «до трубы» Ваша. Вы можете туда заходить. А дальше садик мой и Вы, пожалуйста, туда не заходите». И вручил мне ключ от замка.

Я постепенно в течение нескольких лет расчистил от бурьяна, веток и упавших деревьев «свою» часть садика. Так началась моя деятельность садовода, которая затем распространилась на весь двор, и я стал «садоводом-дворником на общественных началах». Но на территорию «ректорской части садика», пока он был жив, я ни разу не перешагнул. И, вообще, туда никто не заходил, так как он был совершенно непроходим.

После смерти ректора забор вдоль садика сняли, и он превратился в обыкновенный городской сквер с декоративной металлической оградой вдоль улицы, причем на один метр ближе к корпусу. Оказывается, огораживая сад забором, ректор «прихватил» один лишний метр от тротуара. К этому времени, благодаря моему «хобби», садик имел уже вполне культурный вид.

Конверт около помойки

Вскоре после моего приезда в Томск, я получаю письменное приглашение явиться в кабинет ректора в определенный день и час. Я был в недоумении, так как никаких встреч с ректором в то время не планировал. Хорошо помню, что сидел в приемной ректора рядом с профессором Добровидовым и высказывал ему свое недоумение по поводу вызова к ректору.

Наконец дошла очередь и до меня. А.А. говорит: «Комендант двора обнаружил около помойки конверт с Вашим адресом. Как Вы объясните такое безобразие?». Я и сам был в недоумении. Оправдываюсь тем, что, возможно, это уборщица, которая в те дни выносила мусорную корзину из-под письменного стола, небрежно высыпала ее в контейнер. Воробьев демонстративно молчит, просматривая очередную бумагу. Я говорю: «Будете давать мне выговор?» Воробьев (не отрывая глаз от бумаги): «Нет». «Я могу идти?». «Да». Я, как оплеванный, выхожу из кабинета ректора. И, действительно, больше никаких последствий от этого инцидента для меня не было.

Я привел этот мелкий факт, чтобы обратить внимание коллектива преподавателей ТПУ на состояние помойки во дворе дома по улице Ленина № 43. Тогда и в наши дни: «небо и земля». Кроме того, это характеризует Александра Акимовича Воробьева, как воспитателя коллектива преподавателей ТПУ.

Шкаф с книгами

В 1970 году умер профессор И.Н. Бутаков, а его супруга Александра Васильевна (домохозяйка, бездетная) осталась без достаточных средств существования. Я в те дни как член библиотечного совета участвовал в работе комиссии по комплектованию научно-технической библиотеки ТПУ, и, кроме того, наша семья была в дружеских отношениях с семьей Бутаковых. Поэтому был участником эпизода, описанного ниже.

А.В. обратилась к Воробьеву с просьбой приобрести у нее несколько книг проф. Бутакова (по теплотехнической специальности) для НТБ ТПУ —. Техническая библиотека проф. Бутакова размещалась в одном шкафу. Ценных для библиотеки (не устаревших) книг было в нем на сумму (как потом выяснилось) не более сотни рублей, так как средняя техническая книга стоила в то время два–три рубля. Желая помочь А.В. Бутаковой, ректор наложил на просьбе А.А. такую резолюцию: «Директору библиотеки! Приобрести все содержимое шкафа за тысячу рублей». А с вдовы профессора Бутакова взял обещание никаких книг из шкафа не вынимать.

Я принимал участие в приемке книг из этого шкафа. Большинство книг представляло собой устаревшую макулатуру, пригодную только к списанию. Но среди книг оказалась совершенно уникальная (еще дореволюционного издания) книга (двухтомник) немецкого философа Ницше (на русском языке), которая на черном рынке стоила в то время не менее тысячи рублей. Эта книга считалась в то время совершенно секретной и была передана в спецхран. Из спецхрана она была похищена, но к данным воспоминаниям это уже не имеет отношения. Этот эпизод характеризует смелость Александра Акимовича Воробьева в принятии нетривиальных решений, когда он считал это нужным.

Вскоре А.А. Воробьев был снят с должности ректора областной парторганизацией. А еще через несколько лет умер. Руководителям областной парторганизации не нравились такие неуправляемые личности, как Александр Акимович с независимым и негибким характером. Но мы должны отдать должное Александру Акимовичу, отмечая его девяносто летний юбилей. Столько, сколько он сделал для развития института за 27 лет своего ректорства, не сделали 12 ректоров за 70 лет его существования.